

Зеркало
полюс

АЛЛА ДЕМИДОВА

Омут времени

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Ответственный редактор *Елена Толкачева*

Дизайн серии *Андрея Фереца*

В оформлении книги использованы фото из личного архива автора
и фондов РИА Новости

Демидова, Алла Сергеевна
Д30 Омут времени / Алла Демидова. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 384 с., ил. — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-105478-6

Блуждая по лабиринтам памяти, известная актриса, уникальная женщина Алла Демидова вспоминает яркие страницы своей творческой биографии и щедро делится ими с читателем. Вместе с автором мы переносимся в Театр на Таганке и попадаем на репетиции и спектакли Юрия Любимова и Анатолия Эфроса, как живого видим Владимира Высоцкого, затем окунаемся в атмосферу кипучей деятельности таких режиссеров, как Роман Виктюк, Лариса Шепитько, Кира Муратова, Андрей Тарковский, Сергей Параджанов, и рядом наблюдаем прекрасных актеров — Иннокентия Смоктуновского, Георгия Жженова, Дмитрия Певцова... А вот мы уже оказываемся в квартире Лили Брик, овеванной тайной и загадкой. Или следуем за актрисой в ее зарубежных поездках и знакомимся с деятелями западного искусства — Антуаном Витезом, Теодором Терзопулосом, Бобом Уилсоном, Жоржем Сименоном... И конечно, везде мы видим Аллу Демидову, в самых разных театральных и киноролях.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105478-6

© А.С. Демидова, 2019
© РИА Новости
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Для меня нет границы между выдуманным, прошлым и настоящим. Я запоминаю только свои душевные дискомфортные узлы или благодарность от общения с людьми. Больше ничего: ни стран, ни дат, ни событий. Вениамин Александрович Каверин как-то назвал это актерской памятью. Видимо, он прав. Те несколько извилин, которые нам природой даны для запоминания, у актеров заполнены текстами пьес. Я не могу вспомнить свой номер телефона, телефон мамы, которой звонила каждый день. В воспоминаниях одно время налезает на другое.

Однажды дошло до абсурда. Моей приятельнице подарили летом белого пушистого кролика. Ее такса Долли тут же стала на него охотиться. Тогда их поселили в разных комнатах, стали выгуливать по очереди, и дача сразу превратилась в сумасшедший дом. Кролика надо было отдавать. Но куда?! И тут я вспомнила, что мы с Володи́ей, моим мужем, как-то нашли ежика со сломанной лапкой. Принесли домой. Днем он где-то спал, ночью топал по комнатам. Прошел месяц, нам надо было уезжать, и мы отдали ежика сыну нашего знакомого — сын был председателем кружка юннатов. И я предложила отдать ему и кролика. Возвращаясь домой, рассказываю мужу про кролика и говорю, что мы отдадим его, как в свое время и ежика, сыну нашего приятеля. Володя спокойно все слушает и говорит: «Алла. Ежика мы с тобой нашли двадцать пять лет назад, а сыну Цуккермана сейчас под сорок, и живет он в Израиле».

«В поисках утраченного времени» — какое прекрасное название для своей книги придумал Марсель Пруст.

Утраченное время — что от него остается?

...Как-то однажды я заехала за Борей Биргером, чтобы вместе ехать в Переделкино. Спустились вниз, в почтовом ящике лежало письмо от Володи Войновича (первое после его эмиграции). Боря, не распечатав, положил письмо в карман, и мы поехали на день рождения к Инне Лиснянской в Переделкино. Приехали, зашли сначала к Вениамину Александровичу Каверину — его дача была напротив. Сели в садике. Я читаю вслух письмо Володи Войновича из Мюнхена, Боря меня рисует карандашом: белая французская шляпка, белая кружевная кофточка и письмо — рисунок получился абсолютно в стиле XIX века. Боря подарил его потом Инне Лиснянской (недавно мне Инна сказала, что этот рисунок до сих пор висит у нее над кроватью).

А письмо было о странных свойствах памяти — удерживать одно и упускать другое. Каверин заметил: «Да, это абсолютно писательская память, но память писателя молодого. Я сейчас помню все, что происходило со мной в 20-е годы, — могу даже не заглядывать в дневники, но не помню, что было на прошлой неделе. И поэтому пишу только мемуары...» Боря Биргер, художник, говорит: «А я помню, кто как сидел, какое было освещение, какого цвета платье на женщине, — могу даже зарисовать, а вот когда это было — вчера или до войны, не помню».

А я про себя подумала, что в памяти, видимо, с годами появляется обратная перспектива: чем старше становишься, тем ярче — картинки детства. Каверин прав.

Отчетливо помню себя лет с пяти-шести. Я жила в эвакуации у бабушки во Владимире. Отец ночью приехал с фронта. Меня разбудили. Радости не было — хотелось спать. Отец показал две игрушки, которые он привез мне и моей двоюродной сестре, — лису и слона. Я выбрала лису. Утром сестре достался слон. Она ревела. Громко, во весь голос. Ей хотелось лису. Я плакала тихо, в уголке. Она, просыпаясь утром, на весь дом кричала «Каа» (молока) и еще в постели выпивала поллитровую кружку парного молока. Я никогда не любила

молоко и до сих пор его не пью. Я часто болела. Она — нет. Мы дрались.

Лиса же долго жила вместе со мной, пока мама не отдала ее какой-то маленькой девочке. Мне жаль. У моего мужа Володи на книжной полке рядом с большой энциклопедией сидит пыльный коричневый вельветовый медведь, который был куплен до рождения Володи.

Странно, я с трудом вспоминаю свои роли, репетиции, съемки, гастроли. Вернее, вспоминаю, когда это нужно вспомнить — когда кто-нибудь спросит. И с удовольствием рассказываю про свое детство...

Судьба мне подарила встречи с прекрасными и талантливыми людьми. О них-то я и хочу рассказать в этой книжке. Но моя эгоистическая память фиксировала только то, что касается меня.

Обычно осуждают людей, которые пишут «я и ...». А как же по-другому? Ведь это я пишу, потому — «я и имярек». Театровед или литературовед восстанавливает портрет человека, даже и не зная его близко. Но это совсем другое. А когда ты хорошо знаешь человека, он поворачивается к тебе только той стороной, которой хочет повернуться. Например, Высоцкий был очень многогранен, а ко мне всегда поворачивался одной и той же стороной. Я видела и другие его стороны, но ко мне они отношения не имели. Поэтому некоторые мои воспоминания кажутся однобокими и короткими. Я ведь специально не рисую многогранник, я показываю только одну сторону — «я и ...».

Пусть меня простит читатель, если он найдет в этой книге кое-что из моих прежних книг или старых интервью. Тот же Высоцкий. Я уже один раз зафиксировала свою память о нем — написала целую книгу; и если начать рассказывать заново, это будет ложью. Хотя мелкие факты, которые вспоминаются случайно, я и буду прибавлять.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Я не люблю вспоминать, вернее — не люблю специально уходить в прошлое, но если ассоциативно что-то мелькнет в памяти по ходу действия или какого-нибудь рассказа, то картинка прошлого встает так ярко, что иногда заслоняет сегодняшний день. А иногда прошлое соединяется с настоящим и получается совершенно что-то фантастическое. Так бывает у хороших актеров. Мне посчастливилось увидеть Смоктуновского в роли Мышкина, когда театр восстанавливал «Идиота» для фестиваля в Эдинбурге. Я смотрела на сцену и видела Иннокентия Михайловича, которого хорошо знала по даче, и на это наслаивалось время Достоевского, и отчетливо читался характер самого Мышкина. Одно время наслаивалось на другое — фантастика!

Когда я не могу заснуть, я стараюсь уйти в свое детство. Я вижу пыльную летнюю улицу Нижнего Сельца, где жила бабушка, крыльцо, куда в щель мы с двоюродной сестрой бросали как в почтовый ящик свои записки (они, наверное, до сих пор там лежат), гусей перед домом, которые щиплют свою «гусиную» травку. Из ворот тетя Нюра выгоняет нашу корову Победку. Теленок родился в День Победы, и поэтому его так и называли. Однажды по улице шел полк солдат, в это время пришло стадо, и бабушка, выйдя на крыльцо, кричала: «Победка, Победка!» Солдаты странно на нее косились.

А один раз мы шли с бабушкой в городе после продажи красной смородины у политехнического института (мы с сестрой должны были оборвать куст смородины — ужасное занятие! — в большую корзину, и бабушка продавала

смородину по рублю за стакан), мимо опять шли солдаты, и в последнем ряду, отставая ото всех, шел молодой солдатик в больших кирзовых сапогах. И когда он пробегал мимо нас, бабушка сунула ему 3 рубля и сказала: «Прими, Христа ради». Он удивился, но безропотно взял деньги и побежал дальше догонять свой полк.

Дело в том, что в бабушкину старообрядческую религию входило обязательное подаяние. И даже когда в войну нам самим было нечего есть, за столом всегда сидели или нищие, или кто-нибудь из эвакуированных. Однажды мы пили чай, вместо сахара была свекла, мы с сестрой фантазировали — какие могут быть пирожные (мы их никогда не ели), и вдруг во рту вместо противного вкуса свеклы почувствовали что-то необычное — сладкое с орехами и еще с чем-то, названия которого мы не знали. Может быть, за столом сидел гипнотизер и он нас пожалел или наша фантазия так разыгралась, что стала конкретной. Кстати, гибкая фантазия и так называемая вера в предлагаемые обстоятельства — главное качество актеров.

Мне однажды тоже подали 3 рубля как милостыню. Уже после войны я, идя в школу, каждый раз останавливалась около сапожной мастерской, чтобы понюхать запах кожи, который мне так нравился. Там в маленьком закутке сидел инвалид и чинил обувь. Он, наверное, давно приметил меня и как-то спросил, кто я, с кем живу; я ответила, что с мамой, отец погиб на фронте, — и он мне протянул 3 рубля. Я взяла. Но больше никогда не останавливалась у этой двери. А эти 3 рубля, может быть, мне вернулись бабушкины? Я давно заметила — надо что-нибудь отдать, потом обязательно это же вернется.

Отца я помню эпизодически. Но очень ясно. Я даже помню, как я впервые пошла к нему через всю комнату в первый раз. Он схватил меня на руки и рассмеялся. Он был счастлив. Мне исполнился тогда один год.

Потом вижу, как я стою на его лыжах сзади, схватившись за его ноги, и мы спускаемся с пологой горы.

У меня плохо с памятью. События налезают друг на друга, и я не запоминаю последовательности. Я забываю имена, цифры, рассказанные кем-то анекдоты, плохо помню лица. Память держит только тексты пьес и стихи. Тексты пьес я вспоминаю по мизансценам, если прохожу их мысленно. Стихи же можно уложить в «быструю» и «дальнюю» память. Быстрая нужна для кино или телевидения, а когда читаю стихи со сцены, то запоминаю их как роли, т.е. перекладываю слова на образы или цвета, а лучше — на мысленные цветные картинки.

А иногда какие-нибудь строки стихотворения вызывают картинку из прошлого.

Когда началась война, я была у бабушки под Владимиром. В октябре 41-го года из Москвы уже невозможно было уехать, и мама пошла во Владимир пешком. Шла много дней, наконец дошла, взяла меня на руки — я ее не узнала; она поняла это и спросила: «Девочка, где твоя мама?» И я уже по-владимирски на «о» ответила: «Долё-ё-ёко!» — и помахала рукой в сторону Москвы. В какой стороне Москва, мы знали, у нас была игра — надо было попросить кого-нибудь из взрослых ребят: «Покажи Москву», — и он брал тебя обеими руками за голову, где уши, и приподымал над землей лицом в сторону Москвы. Игра мне эта, кстати, очень нравилась. Может быть, поэтому у меня потом оказалась такая длинная шея.

Мама осталась во Владимире, устроилась работать, сняла маленькую комнату в одно окно в одноэтажном деревянном доме недалеко от Золотых ворот и отдала меня в недельный детский сад. Когда бы там она меня ни навещала, я всегда стояла у ворот, смотрела на дорогу и ждала ее. В нашей комнатке помимо нас жили крысы, и, уходя, надо было все съедобное подвешивать в наволочке к потолку. Крысам, естественно, это не нравилось, и однажды они от злости распорили подушки. Когда мы вошли, вся комната была в пуху.

Отец, после ранения, приехал на два дня к нам уже во Владимир. Мама ушла на работу, мы остались с ним одни, и он меня спросил: «А к маме кто-нибудь приходит в гости?» И я, хотя знала, что у мамы есть другой мужчина, ответила: «Нет. Никогда».

Мне кажется, мама его не любила. Вышла замуж с условием, что он ей купит комнату в Москве. В 30-х годах это было можно. Он купил небольшую комнату недалеко от Балчуга. Поехали к маминим родителям под Владимир. Он вернулся в Москву раньше, и на вокзале его арестовали. Сослали на север. Мама осталась одна в Москве. За ней стал ухаживать один человек из «благополучной» московской семьи, просил выйти за него замуж — она согласилась, но неожиданно вернулся отец (в начале 30-х это было возможно — за примерное поведение иногда освобождали раньше). Мама его пожалела, и отец остался с ней. Потом родилась я. Ему не разрешалось жить в городе, и он жил у сестры в Рузе. Потом началась война. Он ушел добровольцем на фронт.

17 февраля 1945 года в деревне Выжихи Ломжинского воеводства его убили. Мы к этому времени были уже в Москве. Я помню салют в честь взятия Варшавы и мамин громкий плач — она только что получила похоронку.

А до этого он мне приснился. Мы были с ним в нашей комнате, и вдруг он стал совсем маленьким и ушел под шкаф. Сны я запоминаю редко, а этот помню очень ясно.

Мы с мамой остались одни. Потом появился отчим... Я ходила в школу.

Площадка перед гостиницей «Балчуг» была местом наших игр. В гостинице жили семьи вернувшихся с войны. Там жила моя подруга Наташа Шонкина. Очень красивая спортивная девочка. В драмкружке она получила роль Снегурочки, а я — Бобыля. Она хорошо прыгала через скакалку, а я все время сбивалась. Дети – народ жестокий. Однажды они не выдержали моих сбивов, взяли меня за руки и за ноги и долго держали за парашютом Москвы-ре-

ки. Я вернулась домой в истерике и больше никогда не доверяла коллективу.

Балчуг, Москворецкий мост, Красная площадь, Александровский сад — мой ареал обитания.

Мама ходила по этому маршруту в Университет на работу, а я с ней в свой детский сад во дворе университетского корпуса. Зимой мама возила меня на санках. Я вижу, как по белому снегу от Василия Блаженного катится красное яблоко, которое я уронила. А внизу в стене Блаженного была нора, где жила королева крыс. На Манежной площади зимой стояла большая нарядная елка, вокруг палатки, где продавали игрушки и конфеты. Но это, наверное, было уже после войны. У меня одно время наслаивается на другое. Может быть, это было вчера?

Мне не спится. Бессонница. Я стараюсь уйти в воспоминания детства. К бабушке, в Нижнее Сельцо. Тогда я спала в амбаре, и рано утром, когда из всех домов выгоняли скотину, я просыпалась и, закутавшись в одеяло, садилась на ступеньки амбара и смотрела на проходящих коров, за ними шли козы и в конце с длинным хлыстом небольшого роста подпасок, и, проходя мимо меня, он лихо бил этим хлыстом по земле, подгоняя отстающих. Я знала, что он был в меня влюблен. Потом я опять уходила в темноту амбара и спала до полудня, выходила с подушкой под мышкой, шла в основной дом попить чаю. В памяти маленький отрезок дороги — через мелкую гусиную травку с кругленькими зелено-желтыми кружочками, которые мы, дети, тоже ели; запах нагретой ильинской пыли, пекло солнца, ни души на улице — счастье!

Дом бабушки и сейчас там стоит, но я боюсь туда возвращаться, потому что моя яркая детская картинка померкнет.

Наверное, Пруст тоже боялся вернуться в маленький городок Илье рядом с Шартром, куда приезжал в детстве на каникулы. В его романах городок Илье превратился в Комбре, где в большой гостиной своего дома бабушка, как пишет Пруст, принимала за чаем великосветских гостей.

Я как-то поехала в Шартр и заехала в прустовский Илье. В доме его бабушки теперь находится музей писателя с фотографиями его друзей. Гостиная оказалась маленькой-маленькой комнатой с мебелью мелких буржуа. И вместо прустовской речки, упоминаемой в романе, журчал заросший зеленью ручей.

Никогда не надо возвращаться туда, где прошло детство. Это должно оставаться в памяти. И возникать в бессонные ночи.

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ

Боря Биргер, Эдисон Денисов долгое время были моими близкими друзьями. Боря обладал удивительным талантом объединять совершенно разных людей. Такие московские компании теперь распались, а если есть, то у других поколений.

У Бори была маленькая мастерская на Сиреневом бульваре. Помню коридор с бесконечными дверями и за каждой — гениальный художник. Когдаходишь в этот коридор, пахнет красками, кофе и чем-то блудным.

Я знала многих художников и всегда поражалась, как они каждый день через весь город едут к себе в мастерскую — ведь никто их не заставляет. Боря ездил в мастерскую каждый день.

В маленькой студии, за шатким столом, мы собирались «обмывать» его картины. То портрет Васи Аксенова, то его жены, то двойной портрет, например: Сахарова с женой, Евгения Борисовича Пастернака с женой, Льва и Раисы Копелевых...

Можно было не очень хорошо знать тех, кого он рисовал, но стоило посмотреть на его портреты, и сразу становилось ясно, какие у этих людей отношения, какие характеры и т.д.

Я говорила: «Боря! Ну нельзя же так выдавать людей!» Он: «Я не виноват. Я, наоборот, хотел все приукрасить...»

Иногда он делал портреты компаний. Например, картина начала 70-х: Валя Непомнящий, его жена Таня, Григорий Поженян, Володя Войнович — типичная компания 70-х, но почти все в карнавальных костюмах, и среди них сам Боря в красном колпаке шута.

Позже — другой групповой портрет: Олег Чухонцев, Эдисон Денисов, Булат Окуджава, Бен Сарнов, Фазиль Искандер — уже разобщенные, хотя сидят за одним столом с тревожными красными бокалами в руках. Это уже конец 70-х.

Последний портрет — компания конца 80-х: мы сидим, как часто сидели в мастерской или дома у Бори. За столом — Олег Чухонцев, Булат Окуджава, Игорь Кваша, Игорь Виноградов, Эдисон Денисов, я отдельно — в кресле. Сам Боря стоит, держа поднос с курицей, и тревожно смотрит в дверь. Эта дверь — со сквозняком, потому что пламя свечей в шандале колеблется.

Мы действительно тогда еще были вместе, устраивали кукольный театр, писали ночами тексты к нашим кукольным капустникам. У нас была кукла Боря, кукла Белла (мои голосовые пародии на Ахмадулину, которые потом вошли в спектакль «Владимир Высоцкий», начались у Бори), кукла Булат, кукла Олег Чухонцев. На наши кукольные представления в маленькую Борину квартир-ку народу набивалось, как на дипломатический прием. Приходило немецкое посольство — немецких друзей у Бори было много, он хорошо знал немецкий язык (во время войны он был разведчиком. На всю жизнь с того времени у него осталась присказка на все случаи жизни: «Пробьемся!»).

А начался кукольный театр с того, что у Бори росли две маленькие дочки. Мы стали устраивать детские утренники — делали поппурри из сказок.

Помню, как-то я целую ночь обклеивала камушками волшебную палочку, чтобы она сверкала. В одном из наших представлений я играла Фею бабочек. И старшая дочь Бори, Женя, поверила, что я настоящая Фея, тем более что у меня была эта волшебная палочка. С тех пор, когда надо было ее увещевать, Боря набирал мой номер телефона и соединял Женю с Феей бабочек. И я — от Феи — давала ей какие-то наставления.